

Дань Чао в последний раз оглянулся на гроб и тела в потайной комнате, развернулся и большими шагами последовал за отрядом. Строгое и холодное лицо чёрного монаха было мрачным, за его спиной меч Цисин Лунъюань сквозь порванную ткань мерцал тусклым синим светом.

В глазах Юйвэнь Ху промелькнула тень.

Никто не знал, откуда этот монах, кто его учитель и каково его происхождение. Хотя он, казалось, испытывал враждебность к Се Юню, отношение Се Юня к нему было довольно любопытным.

К тому же тоннель был узким, не позволяя идти рядом, эти двое — один в начале, другой в конце — в случае драки могли образовать клещи...

На протяжении всего пути до поверхности никто не проронил ни слова. Выйдя из потайного хода, все вздохнули полной грудью от холодного утреннего воздуха.

Только тогда Юйвэнь Ху понял, насколько ошибочной была его осторожность в тоннеле.

Окрестности загородной усадьбы Поместья Ковки Мечей были плотно окружены войсками, словно железным кольцом. Вокруг выхода из тоннеля чётко разделились два лагеря: с одной стороны — пятьсот личных гвардейцев генерала кавалерии, с другой — стройные ряды лучников и копейщиков, напряжённые и готовые к бою, явно дворцовая стража, посланная из столицы!

Юйвэнь Ху больше не сдерживался, громко усмехнувшись:

— Командир Се, искусный приём, я восхищаюсь, восхищаюсь!

Се Юнь равнодушно ответил:

— Чему тебе ещё восхищаться — многому, в будущем не помешает поучиться.

— Командир!

Ма Синь во главе отряда выехал вперёд, спешил и поклонился, приняв от подчинённого изящную шкатулку из красного сандалового дерева. Се Юнь положил туда ещё не обсохший от крови снежный лотос и между делом спросил:

— А Врата Духов и Призраков?

— Цзин отступил, мы по вашему приказу не препятствовали. Однако обыск и конфискация складов Поместья Ковки Мечей заняли некоторое время, поэтому не смогли своевременно обеспечить охрану, прошу прощения, командир!

Ма Синь нагло выпалил это прямо перед всеми, и на мгновение выражения лиц Дань Чао, Юйвэнь Ху и других стали весьма своеобразными.

— Хм, — Се Юнь не придавал этому значения. — Лёгкие и ценные вещи конфисковать, крупное оставить.

Ма Синь снова спросил:

— Ещё один момент. Семья Чэнь из Цзяннани и другие известные праведные кланы, узнав

новости, прислали людей забрать своих учеников. Как командир планирует поступить?

Когда он задавал этот вопрос, Чэнь Хайпин, Чжоу Юй и ещё десяток учеников боевых искусств как раз находились под стражей дворцовой стражи вдали от двора.

После жестокой битвы с Вратами Духов и Призраков эти обычно избалованные и окружённые вниманием новые звёзды ремесла выглядели довольно потрёпано, некоторые даже не могли стоять и сидели на земле. Услышав вопрос Ма Синя, они отреагировали по-разному, неясно, было ли среди них желание от стыда искать смерти.

Се Юнь улыбнулся:

— Отпустить, пусть идут. Всё равно они бесполезны.

Дворцовая стража полностью взяла под контроль территорию Поместья Ковки Мечей, вся ситуация была чётко организована, приказы выполнялись упорядоченно, очевидно, остальным здесь уже нечего было делать.

Юйвэнь Ху оглянулся на своих людей, стиснул зубы и сложил руки в приветствии:

— Вижу, командир Се заранее подготовился, я не буду мешать... Нынешний император ждёт меня во дворце для доклада. Командир Се, обо всех сегодняшних перипетиях мы поговорим в императорском кабинете.

Это была явная угроза.

Се Юнь пристально посмотрел на Юйвэнь Ху, все ожидали, что он сейчас что-то скажет.

Однако затем он повернулся и беспечно сказал Ма Синю:

— Кстати, прикажи взорвать тоннель в заднем дворе. Тела молодого хозяина Поместья Ковки Мечей и его супруги внутри, не нужно откапывать отдельно, пусть будут похоронены вместе.

... Юйвэнь Ху мгновенно побледнел от злости, развернулся и ушёл, не оглядываясь.

Стража подвела стройного, выносливого коня белоснежной масти без единого пятнышка. Се Юнь вскочил в седло и с высоты посмотрел на полностью рухнувшие руины неподалёку.

Всего день назад это была изящная, уединённая и живописная загородная усадьба на задней горе Поместья Ковки Мечей. Кто мог подумать, что за одну ночь дом будет разрушен, семья уничтожена, великолепие и пышность в мгновение ока превратятся в пустоту.

Се Юнь отвел взгляд и сказал:

— Поехали.

Обученные подчинённые немедленно сели на лошадей. В этот момент сбоку вдруг раздался голос:

— Постойте!

Все обернулись. Дань Чао стоял на месте, пристально глядя на Се Юня, и лишь через некоторое время медленно произнёс:

— Ты... ты не планируешь ничего сказать?

Се Юнь спросил:

— Что?

Дань Чао внезапно осознал, что эта сцена в данный момент крайне абсурдна, даже до смешного, однако он совсем не мог смеяться.

— ... Ты больше не хочешь убить меня сейчас? — наконец выдавил он.

Се Юнь окинул его взглядом с головы до ног и спросил:

— Зачем убивать тебя? Ты имеешь ценность, чтобы быть убитым?

Если бы он сам не был вовлечённым лицом, возможно, Дань Чао не смог бы сдержать смеха и похвалил бы этот прекрасный ответ — однако вокруг никто не смеялся, даже не выражал эмоций, лишь лошади изредка фыркали, били копытами о землю, кроме этого царила полная тишина.

Дань Чао наконец с трудом произнёс:

— Раз всё это было заранее спланировано, зачем ты втянул меня?

— Зачем скрывал личность, зачем позволил мне войти в Поместье Ковки Мечей, зачем так старался, чтобы я сам увидел и пережил всё это?

Се Юнь, сидя на лошади, смотрел сверху вниз на Дань Чао, и на его лице вдруг появилось выражение заинтересованности.

— Помнишь, что я сказал тебе той глубокой ночью на улице Чжунчжэн?

...

— В этом мире не существует вещей, которые можно легко получить, нет высочайшего положения и верховной власти, тому, кто удалился от мира, невозможно найти ответы в мирской суете — к тому же, для меня ты слаб, твой голос ничтожен, жизнь подобна муравью. Даже Фу Вэньцзе знал, что для мести нужно быть готовым на всё, а ты лишь на коленях умолял меня о так называемых ответах.

Се Юнь слегка наклонился и с улыбкой сказал Дань Чао:

— Я не разговариваю со слабыми. Сейчас в моих глазах ты слабее, чем Фу Вэньцзе, даже слабее, чем Юйвэнь Ху.

... Дань Чао медленно стиснул зубы.

— Оставь ему лошадь, — равнодушно приказал Се Юнь Ма Синю. — Мир велик, пусть идёт куда хочет — поехали.

Дворцовая стража поскакала, проносясь мимо Дань Чао, и вскоре под грохот копыт скрылась внизу по горной тропе.

Огромная загородная усадьба на задней горе в мгновение опустела, лишь пыль над руинами

медленно оседала. Утреннее солнце пробивалось сквозь лесную чащу, освещая повсюду разбросанные обломки. Из обугленных балок и черепицы поднимался медленный дымок.

Дань Чао взглянул вдаль.

У края леса действительно стояла лошадь — вороной масти с белыми ногами, нетерпеливо роющая землю копытом. Это была та самая лошадь, на которой он с Се Юнем скакал, бежав из Чанъаня на юг!

«Мир велик, пусть идёт куда хочет...»

В ушах Дань Чао снова прозвучали последние слова Се Юня, и внезапно он, кажется, что-то понял из этих восьми иероглифов, его зрачки слегка сузились.

На горизонте в направлении Чанъаня простирались внешние стены на тысячи ли, величественный императорский город. Восемь рек огибали двенадцать городских ворот, дворец Дамин купался в бледно-золотых лучах рассвета, излучая непрерывное ослепительное красное сияние восходящего солнца.

Дань Чао вскочил на лошадь, вглядываясь в даль.

Наконец он глубоко вдохнул и отчаянно ударил коня:

— Вперёд!

Вороной конь помчался с ветреной скоростью, пронзая густые леса и ручьи, устремляясь за солнцем по просторам Поднебесной, неся Дань Чао к вершине имперской власти.

* * *

Конец первого тома

Чанъаньские проспекты соединяются узкими переулками, зелёные быки, белые лошади, семиароматные колесницы.

Нефритовые экипажи мчатся туда-сюда мимо княжеских особняков, золотые кнуты снуют к домам знати.

Первый луч осеннего рассвета пересёк высокие ворота Миндэ у стен Чанъаня, лёг на широкую квадратную синюю брусчатку проспекта Чжушэ, отразив слой инея.

Стук копыт медленно пробивался сквозь лёгкий туман, постепенно приближаясь, обрисовывая статную фигуру мужчины на лошади.

Ему было примерно двадцать лет, кожа слегка смуглая, черты лица чёткие, глаза яркие и пронзительные. Среди современных мужчин-ханьцев редко встречался такой прямой нос, к тому же он привычно слегка сжимал губы, что придавало его профилю хоть и мужественную, но несколько отстранённую и холодную суровость.

Глубокая осень на севере была холодной, на нём была лишь грубая монашеская одежда, казалось, он совсем не ощущал пронизывающего холода. Под тонкой чёрной тканью плечи, руки и спина были мускулистыми, при движении лошади слегка вырисовывались напряжённые линии мышц.

Длинный меч был плотно обёрнут серо-белой тканью и прикреплён к его спине.

Хотя ткань из-за долгой дороги уже потрепалась и выцвела, выглядела старой и непримечательной, знающий человек мог разглядеть слабую боевую ауру, окружавшую меч, подобно тусклому синему свету в ночи, излучающему пронизывающий холод.

Стук копыт внезапно прекратился, мужчина поднял голову.

<http://bllate.org/book/15578/1387197>